

Михаил Полужанов

Печать Футурака. Том 1

Михаил Полуянов

Печать Футурака.Том 1

«Автор»

2026

Полуянов М.

Печать Футурака. Том 1 / М. Полуянов — «Автор», 2026

Мир «Печати Футурака» — это Русь XIII века, где славянские боги и скандинавские руны правят судьбами людей. Максим — сын кузнеца из глухой деревни. В один день его дом сгорает, отец гибнет, а в руках оказывается фамильное кольцо — Медвежий Оскол. Спасаясь от таинственных наёмников, Максим узнаёт страшную правду: мир держится на костях древнего дракона Святогора Горыныча, а кольцо — один из трёх ключей к его гробнице. Если враги доберутся до неё первыми — мир рухнет. Теперь Максиму предстоит стать наследником рода потомков Ильи Муромца, найти остальные ключи и защитить то, что держит равновесие. Но магия требует платы. И цена может оказаться выше его сил.

© Полуянов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Михаил Полуянов

Печать Футурака. Том 1

Глава 1

Медвежий Оскал

Максим открыл глаза за миг до того, как петух пропел в третий раз. Воздух в избе стоял густой — пахло вчерашним хлебом, сушёной мятой на печи и тем особым утренним холодком, который заползает между брёвнами. Мать уже возилась у печи, и лучины хватало только на то, чтобы видеть её силуэт — привычный, родной, вечно в движении.

— Вставай, — сказала она, не оборачиваясь. — Отец в кузнице с рассвета. Ты должен быть там через час.

Максим сел на лавке, свесив босые ноги на дощатый пол. Ладони привычно нашарили под подушкой оберег — маленький медный кругляш с выбитой руной Тверди. Сварог. Кузнец небесный. Отец выковал этот оберег своими руками, когда Максиму исполнилось семь, и с тех пор он не снимал его даже во сне. За стеной, в предрассветном тумане, глухо гудела земля. Едва заметно, так что городской человек не почувствовал бы — но Максим чувствовал. Он всегда чувствовал. Это древнее, тяжелое биение, которое шло откуда-то из-под самых корней, и старики в деревне называли его по-разному: кто Святогоровым вздохом, кто Каменным Сердцем, а дед Максима, тот самый, что ушёл в волхвы лет сорок назад, говорил коротко: «Он спит, парень. Тихо. Пока спит — мы живём».

Максим сунул ноги в сапоги, натянул холщовую рубаху и вышел из избы, прихватив отцовскую жилетку — старую, в потёртых медных бляхах. Деревня просыпалась. Кто-то уже выгнал скотину на луг, где-то скрипел ворот колодца, дымок вился над соседней избой. Солнце только-только коснулось макушек сосен, и утренний туман висел над рекой такой плотный, что казалось — можно ступить на него, как на перину.

Максим пошёл к лесу. Не к опушке — туда, где дед запрещал ходить одному, но где Максим ходил уже десять лет, потому что лес дышал по-особенному, и в этом дыхании слышались отголоски той самой силы, что гудела под землёй. На поляне, где старый пенёк с раздвоенной вершиной служил мишенью, Максим остановился и снял с плеча отцовский лук. Немного оттянул тетиву, поправил на рукавице кожаный наклад, встал ровно и выдохнул. Первый выстрел вошёл точно в расселину старой коры. Второй — чуть выше, почти на самую макушку. Третий он выпустил не глядя — просто повернулся на пятках, натянул лук до предела и пустил стрелу в ту сторону, откуда, как ему показалось, шёл шорох. Стрела вонзилась в ствол сосны в трёх шагах от зайца. Заяц даже не вздрогнул. Он сидел на задних лапах и смотрел на Максима с той наглой невозмутимостью, на которую способны только лесные твари, знающие, что их не тронут.

— Ступай, — тихо сказал Максим. — Я сегодня не охотник. Заяц шевельнул ушами и исчез в кустах. И в ту же секунду земля под ногами дрогнула. Слабо, едва заметно, но Максим почувствовал — это было не просто движение почвы. Это был звук. Глухой, низкий, похожий на стон. Он замер, прислушиваясь. Тишина. Только ветер в кронах. «Показалось», — подумал он и пошёл к деревне.

Кузница отца стояла на краю деревни, у самого оврага. Оттуда всегда доносился звон — даже когда отец не работал, потому что ветер играл в пустом горне и металл помнил удары. Максим вошёл внутрь, и жар ударил в лицо. Терентий, его отец, стоял у наковальни в кожаном фартуке, покрытом сажей. Он был широк в плечах, с седой прядью в тёмных волосах и руками, которые помнили больше ударов, чем любое оружие в деревне.

— Опоздал, — сказал Терентий, не поворачивая головы. Молот его опускался на раскалённую полосу ровно, тяжело, размеренно. — Утро не ждёт. И война тоже.

— Какая война, отец? — спросил Максим, снимая жилетку и берясь за меха.

— Какая? — Терентий усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Везде война, сын. На юге — половцы. На севере — варяги. На востоке — монголы. Мы живём между ними, как между молотом и наковальней. И каждый день — чей-то последний.

Максим нажал на меха, и угли в горне вспыхнули ярче. Жар обжёг лицо, но он не отстранился — привык.

— Но почему, отец? Почему они воюют? За что?

Терентий остановил молот на мгновение. Посмотрел на сына с той смесью усталости и снисхождения, с какой смотрят на детей, задающих слишком взрослые вопросы.

— Они воюют, потому что так надо. Так заведено. Земля жадная, сын. Ей нужна кровь. — Он опустил молот. Удар расколол тишину. — Моя бабка говорила: «Пока люди убивают друг друга — мир стоит». Я не знаю, правда ли это. Но я знаю: если завтра люди сложат оружие, на следующий день земля расколется, и мы все провалимся в бездну. Или того хуже — встанет то, что под нами спит.

Максим нахмурился.

— То, что под нами? Ты про Святогора?

Терентий резко повернулся к нему.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Дед говорил. Когда я был маленьким. Он говорил, что земля — это его тело. Что мы живём на костях великана.

Терентий шумно выдохнул, бросил молот на наковальню и вышел из кузницы на воздух. Максим последовал за ним.

— Сынок, — сказал отец, глядя в небо, которое начинало затягиваться тучами. — Про Святогора не говорят вслух. Это не сказка для детей. Это — тайна. Понял? Тайна, которую знают волхвы и князья. А простым людям — нам, кузнецам, пахарям — говорить об этом нельзя. Потому что если люди узнают, что под ними что-то есть, они перестанут жить. Они будут только бояться.

— А что, если оно проснётся? — тихо спросил Максим.

Отец не ответил. Он стоял и молчал, глядя на лес, который чернел на горизонте. И только ветер доносил до них тот самый звук — глухой, подземный, похожий на вздох.

День прошёл в работе. Максим помогал отцу ковать подковы, потом носил воду, потом ходил в поле с матерью — полел грядки, собирал рожь. Солнце стояло в зените, пот заливал глаза, а руки гудели от усталости. И всё это время под землёй продолжало биться то огромное, сонное сердце. К вечеру Максим пошёл к реке. Там, где вода огибала старый дуб, лежал камень — тёмный, гладкий, величиной с кулак. Его нельзя было трогать — все знали об этом. Старики говорили, что это Святогорова Кость, и если приложить к ней руку, можно услышать голос земли. А если приложить её к ране — рана заживает за ночь. Но никто не проверял. Потому что за каждый такой дар приходится платить.

Максим сел на берегу, глядя на камень. Вода рядом с ним была темнее, чем в остальной реке, и казалось, что она не течёт, а стоит, как замороженная.

— Почему ты не спишь? — спросил он тихо. — Ты ведь слышишь меня, да?

Камень молчал. Но под землёй что-то дрогнуло. Максим почувствовал это всем телом — знакомое биение, теперь чуть быстрее, чуть настойчивее. И ему показалось, что он слышит шёпот: «Иди... Найди... Пока я сплю...» Он встал и отошёл от реки.

Вечером, после ужина, когда мать укладывала брата спать, а отец чинил сбрую у крыльца, Максим сидел у печи и перебирал в руках оберег. Руна Тверди тускло блестела в свете лучины, и он вдруг подумал: «А что, если Сварог — это не просто кузнец? Что, если он сковал не только

небо, но и то, что под землёй? Что, если он — тюремщик?» Он не знал ответа. Но в голове всё громче звучал тот шёпот — тот, что доносился из глубины реки, из-под корней старого дуба, из самой середины земли. «Иди... Найди...» Максим сжал оберег и закрыл глаза. Завтра он пойдёт к деду. Дед знает больше, чем говорит. Дед — волхв. А волхвы — те, кто слышит землю. И если земля зовёт — значит, так надо.

За окном, в темноте леса, кто-то завыл — низко, протяжно, как по покойнику. Мать перекрестилась и зажгла ещё одну лучину.

— Святогор с нами, — прошептала она. Максим молчал. Он знал: Святогор не «с ними». Святогор — под ними. И он зовёт.

Максим проснулся от криков. Сначала ему показалось, что это сон — тот самый, в котором земля стонала и звала его по имени. Но крики были слишком настоящими. Слишком громкими. Слишком человеческими. Он вскочил на лавке, ещё не понимая, где находится, и ударился головой о низкую притолоку. В избе было темно — лучины погасли, и только багровый отблеск пробивался сквозь щели в ставнях. Багровый. Не утренний.

— Мама! — крикнул он, шаря рукой по стене в поисках рубахи.

— Я здесь! — голос матери доносился из сеней. Она была там, у двери, и не входила. Стояла и смотрела наружу. — Максим, не выходи! Не выходи, слышишь!

Но он уже натягивал сапоги, уже хватал с колышка отцовскую жилетку. Он не понимал, что происходит, но тело знало — тело помнило, что делать, когда пахнет гарью и звон колокола разрывает предрассветный туман. Колокол бил набат. Не церковный колокол — тот, что висел на старой сосне у въезда в деревню. В него били только в одном случае. В случае, когда враг ближе, чем лук.

Максим выскочил на крыльцо и остановился. Деревня горела. Не вся — но огонь уже пожирал крайнюю избу у дороги, ту самую, где жила вдова Прасковья с тремя детьми. Крыша осела внутрь, и искры взлетали в небо как живые птицы, уносящие души тех, кто не успел убежать. Люди бегали. Кто-то с ведрами к колодезю, кто-то с топорами, кто-то просто с криком, потому что крик был единственным, что осталось, когда не знаешь, что делать.

— Где отец? — Максим схватил мать за плечи и развернул к себе. Лицо её было белым, глаза мокрыми, но она держалась, как держатся женщины его рода — молча, стиснув зубы.

— Он ушёл в кузницу. Час назад. Сказал, что забыл что-то. Я просила его не ходить, говорила, чует моё сердце беду, а он только отмахнулся.

— Он ещё не вернулся? Мать покачала головой. И Максим понял всё. Кузница стояла на краю деревни, у самого оврага. Туда, где сейчас, судя по звукам, шёл бой. Он отпустил её плечи.

— Не выходи из избы. Сиди с Владиславом. Никуда не уходи.

— Максим, — она схватила его за руку. — Ты же не пойдёшь туда? Ты слышишь, там — там уже всё горит!

Он не ответил. Он уже бежал. Бежал мимо горящих домов, мимо людей, которые тащили детей и скотину, мимо старого кузнеца Григория, который пытался сбить пламя с крыши своей мастерской, мимо криков и звона оружия. Бежал туда, где его дом теперь был не избой, а полем боя.

По дороге он видел вещи, которые запомнил на всю жизнь, но не мог остановиться. Вот колодец, из которого он пил воду с пяти лет. Рядом с ним лежал чужой воин — кольчуга, шлем с бармицей, она не была русской. Чья она? Максим не знал. Он никогда не видел такого доспеха — тёмного, с выбитыми рунами, которые он не мог прочитать. Воин был мёртв. В груди у него зияла рана, широкая и глубокая, как будто его ударили не мечом, а чем-то более чудовищным.

Вот его дом. Вернее, то, что от него осталось. Соломенная крыша горела, и Максим на мгновение замер, чувствуя, как сердце сжимается от боли. Там, внутри, ещё вчера пахло хлебом и мятой. Там мать укладывала спать Владислава. Там отец чинил упряжь у печи. Теперь там был только пепел. Но он побежал дальше, потому что отец мог быть жив. Потому что куз-

ница стояла не в центре — она стояла у оврага, и огонь мог не добраться туда. Максим бежал, спотыкаясь о камни и корни. В ушах гудело. Где-то над головой просвистела стрела, и он даже не понял, чья она была — своя или чужая.

Кузница стояла. Она стояла, но Максим не почувствовал радости. Потому что дверь была выбита. Потому что изнутри доносился треск — не огня, а ломающегося дерева. И потому что у порога лежал человек. Максим подбежал, упал на колени, не чувствуя боли от удара о землю. Это был отец. Он был жив. Но он был придавлен большой балкой — той самой, что держала крышу кузницы. Кровь сочилась из-под балки, тёмная, густая, и Максим понял, что отец не сможет подняться сам.

— Отец! — крикнул он, пытаясь приподнять балку. Она была тяжёлой, слишком тяжёлой. Она была пропитана смолой и временем, и её не мог сдвинуть один человек. — Отец, я сейчас! Я сейчас кого-нибудь позову!

Терентий открыл глаза. Мутные, но всё ещё живые. Он посмотрел на сына и усмехнулся — той самой усмешкой, с какой он всегда смотрел на Максима, когда тот говорил что-то глупое.

— Никого не будет, — сказал он. Голос его был тихим, но твёрдым. — Все бегут. И правильно делают. Ты тоже беги.

— Я не оставляю тебя!

— Оставишь. — Терентий закашлялся, и Максим увидел кровь на его губах. — Сынок, послушай меня. Сейчас ты можешь только одно — ты можешь жить. За меня. За мать. За Владислава. Живи. Это всё, что я прошу.

Он поднял руку — левую, ту, что не была придавлена. На пальце его тускло блеснуло кольцо. Максим никогда не видел его раньше — отец не носил украшений, и даже оберег у него был простым, без изысков. Но это кольцо было другим. Тяжёлым, из тёмного металла, с печаткой в виде медведя. Когтистого, оскаленного, готового к прыжку. Камень в печатке был тёмным, почти чёрным, с алыми прожилками, которые мерцали в свете пожара.

— Возьми, — сказал Терентий. — Это не моё. Это — рода нашего. Ты теперь старший. Носи. Помни. И живи.

Максим снял кольцо с отцовского пальца. Оно было тёплым, как живое. Надев его на свой палец, он почувствовал странную тяжесть — не физическую, а внутреннюю, как будто что-то щёлкнуло у него в груди и встало на место.

— А теперь беги, — сказал Терентий. — Беги к матери. Беги к людям. Ты нужен им, Максим. Не мне. Мне уже ничего не нужно.

— Отец...

— Беги! — это был уже не голос — это был рык. Тот самый, с каким Терентий гнал его с детства, когда тот был слишком упрямым и не хотел слушаться. Максим замер, глядя в глаза отца. В них не было страха. Была только воля — железная, негибкая, как те клинки, что он ковал всю жизнь.

— Беги, сынок. — Терентий закрыл глаза. — Я тебя люблю. Помни об этом.

Максим поднялся. Он стоял на пороге кузницы, глядя на отца, придавленного балкой, и не мог сделать шагу. Но в ушах всё ещё звучал голос матери, крики людей, звон колокола. И он побежал.

Он бежал обратно через горящую деревню. Мимо пылающих изб. Мимо мёртвых тел, которых стало больше. Мимо чужих воинов — они уже не были чужими, они были просто страшными, и Максим видел их лица, обожжённые и злые. Он бежал к той избе, что стояла на другом конце деревни, где он оставил мать и брата. И когда он добежал, он увидел, что она ещё цела. Мать стояла у крыльца, держа за руку Владислава, и смотрела на сына с такой надеждой, от которой у него сжалось сердце.

— Жив? — спросила она. Максим кивнул, не в силах говорить. Она ничего не спросила про отца. Она поняла.

— Садитесь на лошадей, — сказал Максим, хватая мать за руку и подталкивая к конюшне. — На повозку. Всё бросьте. Мы уходим.

— Куда?

— К лесу. Туда, где дед. Там безопасно.

Мать не спорила. Она подхватила Владислава, посадила его на повозку, и сама вскочила на лошадь. Максим вскочил на другую — старую кобылу с косматой гривой. И они уехали, оставляя за спиной дым и крики, которые стихали вдалеке, как стихает вой ветра после бури. Максим обернулся только раз — чтобы увидеть, как его деревня, его дом, его жизнь уходит в небо серым пеплом.

И он подумал: «Отец, я не знаю, зачем это кольцо. Но я сделаю всё, чтобы оно не пропало». Он сжал пальцы в кулак, чувствуя холод тёмного камня на коже. И повернул лошадь к лесу. Туда, где ждал дед. Где ждал ответ.

Они ехали долго. Лес смыкался над головами, ветки хлестали по лицам, а лошади, обессиленные и напуганные, шли тяжело, но упрямо — чуяли, что там, впереди, есть спасение. Максим не оборачивался. Он знал: если обернётся, увидит дым, который поднимается над Заречьем, и это сломит его. Он должен был держаться ради матери, ради Владислава, ради тех людей, что плелись за ними на повозках, бросив всё, что у них было.

Лес постепенно редел, и впереди, сквозь стволы, начало проступать что-то светлое, открытое. Большая круглая поляна. Та самая, куда дед запрещал ходить детям, где по ночам, говорили, волхвы чертили круги и шептали имена, которые нельзя произносить вслух. Максим въехал на поляну первым. Земля здесь была плотной, утоптанной, как будто по ней ходили тысячи ног. По краям поляны стояли старые камни, поросшие мхом, и каждый из них имел на себе едва заметные метки — руны, вырезанные рукой, которая знала своё дело.

Люди уже собирались. Те, кто успел вырваться из огня, сбивались в группы, кто-то плакал, кто-то молча сидел на земле, глядя в одну точку. Повозки вставали по кругу, образуя нехилую защиту. Максим прыгнул с коня, не чувствуя, как ноги коснулись земли, и побежал к центру поляны, где стоял дед.

Дед стоял неподвижно, опираясь на посох. Он был одет в длинную холщовую рубаху, подпоясанную сыромятным ремнём, и смотрел на прибывающих людей с тем выражением, которое Максим не мог прочесть. Может быть, горе. Может быть, ожидание.

— Дед! — крикнул Максим, подбегая. — Что случилось? Кто напал? Откуда они взялись?

Дед поднял руку, призывая его замедлиться. Глаза его, ярко-синие, как у молодого, смотрели строго.

— Тише, внук. Дай мне сначала пересчитать людей. Я должен знать, сколько душ мы вывезли.

— Дед, не сейчас! — Максим почти кричал. — Люди погибли! Отец погиб! Я должен знать, кто это сделал и почему!

Дед вздохнул, и в этом вздохе слышалась такая глубокая усталость, что Максим прикусил губу. Дед поднёс пальцы к вискам и закрыл глаза. Мгновение — и в его зрачках промелькнуло что-то тёмное, стремительное, как тень птицы.

— Это не простые воины, — сказал он тихо. — Не люди князя. Это — те, кого посылают те, кто стоит за гранью. Тёмные силы. Но сейчас, Максим, у нас нет времени объяснять. Мы должны знать, сколько нас осталось.

В этот момент в воздухе раздался хлопок. Громкий, внезапный, как удар бича. Все подняли головы. Над поляной, кружась, опустился чёрный ворон. Большой, с блестящим оперением, он держал в клюве маленький свиток. Сделав круг, он бросил свиток прямо к ногам деда, взмыл вверх и исчез за деревьями так же быстро, как появился.

— Почтовый, — сказал кто-то из толпы. — Из столицы.

Дед поднял свиток, развернул его, пробежал глазами по строкам. Лицо его на мгновение окаменело, потом он усмехнулся — коротко, безрадостно.

— Дружина князя уже в пути. Кто-то раньше нас увидел врага на горизонте и послал весть. Через два дня они будут здесь. К этому времени мы должны быть готовы.

Дед свернул свиток и спрятал его за пазуху. Потом перевёл взгляд на Максима и замер. Глаза его остановились на его правой руке.

— Что это у тебя? — спросил дед, и голос его вдруг стал жёстким, требовательным. — Покажи.

Максим поднял руку. На его пальце тускло блеснуло кольцо — тёмный металл, медвежья голова с оскаленной пастью, камень с алыми прожилками.

— Медвежий Оскал, — прошептал дед, и в его голосе послышался благоговейный трепет. — Откуда он у тебя?

— Отец дал, — сказал Максим, и голос его дрогнул. — Он был придавлен в кузнице. Я хотел ему помочь, но не смог. Он отдал мне кольцо и велел бежать.

Дед подошёл ближе. Его рука, сухая и тёплая, легла на плечо Максима.

— Он не пошёл с вами?

— Он не мог. Он заставил меня бежать.

Дед долго смотрел на него. В его глазах мелькнула боль — та самая, которую он прятал за суровостью много лет.

— Понятно, — тихо сказал он. — Значит, теперь ты глава семьи.

— Дед, — Максим сглотнул, — что это за кольцо? Ты знаешь, что это такое?

Дед кивнул и убрал руку с плеча. Он медленно прошёл к ближайшему камню и сел на него, тяжело опираясь на посох.

— Это фамильное кольцо. Оно передаётся от отца к сыну много поколений. Мой отец передал его мне, я — твоему отцу, а он — тебе. Оно старше меня, старше этой деревни. Говорят, оно появилось ещё в те времена, когда Святогор не спал под землёй, а ходил по ней.

Максим поднёс руку к лицу и посмотрел на кольцо. Камень мерцал, как будто в нём тлел огонь.

— Оно просто красивое, — сказал он неуверенно. — Или оно что-то... значит?

— Значит, — дед усмехнулся, и глаза его сверкнули в свете уходящего дня. — Если человек, носящий это кольцо, имеет магический потенциал, кольцо раскроется с новой стороны. Оно станет чем-то большим, чем просто украшение. У меня нет дара, Максим. У твоего отца его тоже не было. Но есть вещи, которые нельзя передать кровью, — они просыпаются сами, когда приходит время.

Дед замолчал и встал. Он отошёл в сторону, встал посреди поляны, поднял руки и начал пересчитывать людей, громко называя цифры вслух.

— Один, два, три...

Максим остался у камня. Кольцо на его пальце казалось теплее, чем раньше, хотя он не был в этом уверен. Может быть, от дневного солнца. Может быть, от его собственного тепла. А может быть, от того, что дед сказал: «Если человек, носящий это кольцо, имеет магический потенциал...»

Максим не знал, есть ли он у него. Он никогда не пробовал колдовать. Но в груди, где-то глубоко, где прятался тот самый голос, что звал его из-под земли, он почувствовал странное движение — как будто что-то пошевелилось там, на дне, и посмотрело на него.

Он сжал кулак. Даже если у него нет магического потенциала, это кольцо — единственное, что осталось от отца. Он будет хранить его до тех пор, пока не передаст его своему сыну. Это кольцо — не сила. Это память.

И он встал.

— Дед, — сказал он, подходя ближе, — я хочу знать правду. Про этих людей, про кольцо, про всё, что происходит. Ты обещал мне ответы. Сейчас самое время.

Дед закончил пересчёт и опустил руки. Он повернулся к внуку, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Придёт время, Максим. Скоро. Но сначала ты должен пережить эту ночь. Завтра мы будем говорить.

Дед повернулся к людям, которые стояли за его спиной, и поднял голос.

— Всем собраться вокруг! Будем решать, что делать дальше!

Максим остался стоять на месте. Он чувствовал, что дед что-то скрывает. Но он также чувствовал, что дед не солгал — он действительно собирался сказать правду. Завтра.

Максим опустил глаза и посмотрел на кольцо. Медведь смотрел на него пустыми глазами, но оскал его казался живым.

«Я буду хранить тебя, — мысленно сказал он отцу. — Я буду хранить тебя и передам дальше».

Камень в кольце, тёплый и спокойный, мерцал в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.